

А.Е. Новиков (*Череповец*)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ОБРАЗОВ В СКАЗКЕ-ПЬЕСЕ В.И. БЕЛОВА «БЕССМЕРТНЫЙ КОЩЕЙ»

Сюжет сказки-пьесы В.И. Белова «Бессмертный Кошеч» (1978) основан на использовании приема стилизации, связанной с обращением к известным литературным персонажам, сказочным героям, которые помещаются в новые общественно-исторические условия (очень своеобразно, например, этот прием использовал В.М. Шукшин в повести-сказке для театра «До третьих петухов», сатирически изображавшей некоторые реалии советской действительности (см.: [1, 274–275]). В сказке-пьесе В.И. Белова в новых исторических условиях оказываются известные сказочно-фольклорные герои — Кошеч Бессмертный, Смерть, Солдат, Баба-Яга, Леший, Русалка, Водяной, Кикиморы, которые не только действуют в новой обстановке, но и претерпевают определенные видоизменения, трансформируются.

На новый подход к сказочно-фольклорной системе образов указывает уже само название беловской пьесы — «Бессмертный Кошеч» (а не «Кошеч Бессмертный», как принято в сказочной традиции). В словосочетании «Кошеч Бессмертный» (аналогичном словосочетаниям «Елена Премудрая», «Василиса Прекрасная», «Козьма Скоробогатый» и др., используемым в русских народных сказках) определение «бессмертный» является устойчивым эпитетом, указывающим на неизменные, постоянные свойства лица. Кошеч по определению, изначально Бессмертный. Его смерть спрятана в несколько вложенных друг в друга волшебных животных и предметов. «На море на окияне есть остров, — сообщается в сказке, — на том острове дуб стоит, под лубом сундук зарыт, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо» [2, т. 1, 629], в котором и находится

смерть Кощея. Иван-царевич (или другой герой-избавитель) при помоши похищенной Кощеем царевны узнает, где скрывается его смерть, добывает ее, и Кощей погибает.

Кощей же (Кошечко, Кощей Иванович) в пьесе В.И. Белова поначалу не обладает бессмертием и получает его от Смерти лишь потом, с условием «не делать добрых дел» [3, 160]. При этом, по замечанию В. Ширикова, «бессмертие Кощея зависит лишь от него самого» [4], надо только следовать «страшному напутствию» [4] Смерти, заключенному в следующих словах:

Что ж, будешь жить, пока ты полон злобы,
Пока душа пропитана неправдой
И ненависть ворочает мозгами,
Подогревая ложь и клевету.
Но ты умрешь при первом послабленье,
Пойдешь во след за первым добрым делом... [3, 160].

Таким образом, Кощей В.И. Белова — это далеко не тот привычный нам, традиционный «царь Кащей», который «над златом чахнет» [5, 6], а ловкий делец-проходимец, добивающийся власти над сказочным лесом (в который вернулся после долгого отсутствия), благодаря хитрости, обману, вероломству и покровительству в недобрых делах Смерти.

В свою очередь, Смерть является одним из центральных образов в пьесе. Ее власть ничем не ограничена — она простирается над всем лесом. «Власть моя без меры» [3, 178], — признается она в одном из своих монологов. Это власть (по словам Смерти) и над природой:

Травинка вырастет, букашка иль жучок,
Иль дерево, иль рыба в окияне —
Все умирает тихо и спокойно,
Никто не просит жизнь свою пролить [3, 178].

И над человеком:

Рождаются и знать себе не знают,
Что все они когда-нибудь умрут.
В моих руках рожденные уже
И те, которые еще и не родились [3, 178], —

говорит об этом Смерть.

Смерть в беловской сказке-пьесе по своей прихоти не только приносит людям погибель, но и дает бессмертие. В этом существен-

ное ее отличие от образа Смерти, встречающегося в сказочной традиции. Например, в сказке «Солдат и Смерть» Смерть морит людей по приказанию Господа [6, 477], а не по собственному усмотрению (то есть, она не имеет собственной власти над людьми), и, являясь лишь исполнителем чужой воли, не становится воплощением абсолютного зла, как в пьесе В.И. Белова.

С другой стороны, в контексте фольклорной традиции становится понятно, почему в поединок со Смертью в finale пьесы вступает именно Солдат (в сказках Солдат не испытывает никакого страха перед Смертью, постоянно обманывает ее, водит за нос [6, 474, 477–479]). В то же время Солдат в стихотворной драме В.И. Белова значительно отличается от сказочного — храброго, неунывающего, находчивого, выходящего целым и невредимым из любых сложных ситуаций и почти никогда не поддающегося противнику и не идущего у него на поводу. Солдат в «Бессмертном Кошее» — это (на протяжении большей части действия) орудие в чьих-то руках, «быдло с тесаком» [3, 188], которому «где бы ни служить» [3, 172], и который служит, «как медный котелок» [3, 189]. Сначала он служит Бабе-Яге, затем — Кощею... И только в самом конце развития сюжета пьесы Солдат, заступаясь за Третью кикимору (свою возлюбленную), вступает в борьбу с Кощеем, а затем отправляется на поединок со Смертью.

Баба-Яга при этом увещевает его такими словами, проявляя заботу о Смерти:

Не оставляй ее без ремесла.
Везде пеньки, тащи поаккуратней.
Одна она, а нас на свете много... [3, 190].

И далее: «Была бы Смерть, а Жизнь свое возьмет!» [3, 190]. Здесь, наверное, впервые в ходе развития сюжета сказки-пьесы осознается, что есть сила (на которую только намекается в произведении), равная Смерти или даже превосходящая ее. Кроме того, предупреждение Бабы-Яги при сопоставлении с событийным рядом некоторых сказок не выглядит случайным. Так, например, в одной из сказок («Солдат, черт и Смерть») Солдат хитростью заключает Смерть в суму-торбу и подвешивает ее на самой вершине осины. И «с той поры не стал народ помирать: рожать — рождается, а не помирает!» [6, 474]. И многие души на свете стали мучиться, не имея возможности отойти на покой. Поэтому беспокойство Бабы-Яги, самой желающей поскорее умереть, вполне понятно.

Образ самой Бабы-Яги в сказке-пьесе В.И. Белова особый. Он почти не напоминает нам традиционную сказочную Бабу-Ягу костя-

ную ногу, которая живет в «избушке на курьих ножках», пожирает людей, летает с метлой на ступе и т. д. (см.: [2, т. I, 149]). В «Бессмертном Кошее» Баба-Яга — это мудрая старушка, защитница сказочного леса, хранительница вековых устоев старины. При этом сквозь ее сказочно-языческий облик вполне отчетливо, на наш взгляд, проглядывают христианские черты. Занимая непримиримую позицию по отношению к Кощею и его пособникам, Баба-Яга в то же время призывает действовать с терпением и любовью по отношению к ним, рассчитывая на проявление в них лучших человеческих чувств.

А ты, роспеля, нос не вороти,
Встань на ноги, зови свою товарку
Да собери Кощею передачу,
Авось и он расплатится добром [3, 190–191], —

обращается Баба-Яга ко Второй кикиморе в заключительной сцене пьесы. Именно Баба-Яга до конца сохраняет веру в торжество добра, в возрождение сказочного леса, отправляясь в finale на поиски родника с живой водой, чтобы воскресить убитого Солдатом Лешего.

Лепший в пьесе В.И. Белова — это не только соратник Бабы-Яги в противостоянии Кощею и его подручными, но и активный борец с ними. В отличие от Бабы-Яги, выбравшей тактику разумно-пассивного сопротивления злу, Леший, не задумываясь, устремляется на бой с ним и погибает. При этом беловский Леший мало напоминает сказочного «чертова деда» [7, 383], который уносит девиц в лес и является враждебным человеку лесным духом (см.: [8, 315]). Леший в «Бессмертном Кошее» — это, на наш взгляд, воплощение светлого, положительного начала. Он отстаивает возможность существования человека в мире нетронутой природы, право личности на свободное, самобытное развитие, исходя из того,

...что в мире неделимом,
В неповторимом сердце человечьем
Всегда найдется что-нибудь такое,
За чем никто вовек не уследит... [3, 176–177].

Более традиционными для сказочной и литературной традиции выглядят в сказке-пьесе В.И. Белова образы Русалки, Водяного и Кикимор. Однако под воздействием происходящих в сказочном лесу событий они тоже преображаются, трансформируются определенным образом.

Так, Русалка (поначалу — девушка с неясными желаниями, с интересом и удивлением воспринимающая произошедшие в лесу

перемены) оказывается способной на проявление глубоких чувств любви, скорби и сострадания, на осознание пустоты, никчемности и в то же время трагизма существования всесильного и жестокого Кощяя. Она приходит к выводу, что

Он среди нас, быть может, всех несчастней —
Жить нелегко без сердца и души [3, 188].

Водяной, облик которого почти полностью соответствует сказочно-фольклорному образу, сначала безропотно подчиняется власти Кощяя. Но в конце концов решается на протест против нее и поддерживает Солдата в борьбе с новоиспеченным хозяином сказочного леса.

Кикиморы (женские вредоносные болотные существа), образы которых выдержаны в целом в соответствии с народно-мифологическими представлениями, тоже изменяются в новой обстановке. Первая и Вторая кикиморы выступают в качестве активных помощниц Кощяя, а Третья Кикимора влюбляется в Солдата. При этом, потрясенная видом мертвого лешего, она вдруг осознает весь драматизм произошедших в сказочном лесу перемен и пагубную роль в этом Кощяя и тем самым способствует пробуждению Солдата, оказавшегося способным вступить в борьбу со своим командиром.

Таким образом, традиционные фольклорно-сказочные герои в сказке-пьесе В.И.Белова «Бессмертный Кощей», оказавшись в новой обстановке, претерпевают значительную трансформацию. Ее анализ, проведенный нами, помогает более глубокому осмыслинию содержания произведения, в центре внимания которого оказываются непростые проблемы (общественно-политические, экологические, духовно-нравственные) развития нашего Отечества в 70-е годы XX-го столетия.

Примечания

1. Ершов Л.Ф. Сатирические жанры советской литературы (от эпиграммы до романа). — Л., 1977.
2. Мифы народов мира: В 2-х т. — М., 1980.
3. Белов В.И. Бессмертный Кощей // Белов В.И. Три пьесы. — М., 1983.
4. Шириков В. По народным мотивам: Пьеса-сказка В. Белова на чепцовецкой сцене // Красный север, 18 февраля 1982 г.
5. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 3. — М.: Правда, 1981.
6. Библиотека русского фольклора. Т. 2. Сказки: Кн. 2. — М., 1989.
7. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. — Л., 1983.
8. Мишологический словарь. — М., 1991.